

Глава 54

«Ч-что?!»

Лицо Чжоу Лэ покраснело. «Чт, что? Ты, ты не болтай ерунды!»

Чэнь Нань наклонился ближе, ухмыляясь. Чжоу Лэ прижался к стене, когда нос Чэнь Наня приблизился к его шее.

Чэнь Нань практически уткнулся носом в шею Чжоу Лэ, когда Шэнь Цянь нахмурился и оттащил его назад.

Чэнь Нань прошипел, но ничего не сказал, просто посмотрел на Чжоу Лэ с все более озадаченным выражением лица. «Почему я не чувствую твоего запаха? Ты действительно Омега? Ты ничем не отличаешься от Беты».

Чжоу Лэ сжал губы и промолчал.

Чэнь Нань продолжил: «Неудивительно, что между тобой и братом Лу всегда что-то не так. Оказывается, вы все это время возились друг с другом».

Чжоу Лэ не мог больше этого выносить. «Это не называется возиться».

Чэнь Нань рассмеялся. «О? Тогда что это — роман?»

Слова словно обожгли его на месте. Чжоу Лэ тут же запнулся: «Спасибо, что помогли мне. Мне нужно кое-что сделать, так что я... я уйду первым. Если будет возможность... я угощу вас обоих едой».

Закончив, Чжоу Лэ быстро поклонился и повернулся, чтобы убежать.

Чэнь Нань усмехнулся. «Эй, знаешь что? С этим застенчивым, тонкокожим поведением он действительно похож на Омегу...»

Он обернулся, намереваясь поделиться своими наблюдениями с Шэнь Цянем, но вместо этого столкнулся с мрачным выражением лица последнего.

«Что? Что с этим взглядом?»

Шэнь Цянь не ответил, просто уставившись на него.

Сначала Чэнь Нань не был смущен, но затянувшееся молчание заставило его почувствовать себя неловко. «Что ты делаешь? Ты ревнуешь? Это брата Лу, ты и так это знаешь».

После долгой паузы Шэнь Цянь наконец спросил: «Омеги приятно пахнут?»

Чэнь Нань потерял дар речи. «Вот и снова. Ты что, полностью из уксуса сделан?»

Шэнь Цянь некоторое время холодно смотрел на него, прежде чем повернуться и уйти.

Но далеко ему не удалось уйти.

Кто-то неохотно потянул его за уголок рубашки.

«Твой пахнет вкусно...» — пробормотал Чэнь Нань, явно смущенный тем, что сказал что-то столь пошлое.

Мочки его ушей покраснели.

«Твой пахнет лучше всех...»

Альфа остановился на полшага, уголки его губ приподнялись в едва заметной ухмылке. Интеллектуальная манера поведения мошенника идеально ему подходила.

Чэнь Нань не мог видеть эту реакцию, только больше нервничая, когда Шэнь Цянь не ответил. Он беспокоился, что другой все еще расстроен.

Хотя он не был уверен, кем они являются друг для друга, мысль о том, что Шэнь Цянь будет относиться к нему холодно или игнорировать его, вызвала у него беспокойство.

«Я правда не... мм!»

В слепой зоне коридора, вне поля зрения камер, Шэнь Цянь прижал Чэнь Наня к тому же углу, в котором ранее был зажат Чжоу Лэ. Он грубо позволил ему ощутить феромоны, которые он, по-видимому, так любил.

—

Избежав Шэнь Цяня и Чэнь Наня, Чжоу Лэ столкнулся с Линь Сяосяо и Ся Линьчуанем.

Как его самые близкие друзья, они не знали настоящего пола Чжоу Лэ. Невозможно было не

чувствовать себя обиженным, но вид того, как он молча опустил голову, заставил их сердца болеть больше всего.

Семейное положение Чжоу Лэ, усугубленное его статусом Омеги, не могло быть хуже.

«Чжоу Лэ», — торжественно произнесла Линь Сяосяо, и солнечный свет, струящийся через окно, осветил ее молодое, серьезное лицо.

«Поздравляю с тем, что ты стал Омегой».

«Быть Омегой — это потрясающе, знаешь ли».

«Ся Линьчуань и я всегда будем тебя поддерживать».

Ся Линьчуань вмешался, игриво шлепнув его по груди. «Да, ты меня подловил. Что бы ни случилось, просто позови своего братана, ладно?»

Глядя на своих двух друзей, которые были ему как семья, Чжоу Лэ почувствовал укол горечи в сердце. Он хотел обнять Линь Сяосяо, но понял, что это не подобает ни мальчикам, ни девочкам. Затем он подумал о том, чтобы обнять Ся Линьчуань, но это тоже показалось ему не совсем правильным.

В итоге все трое просто стояли там, лицом друг к другу, и смеялись.

В тот вечер Чжоу Лэ вернулся домой, готовясь к тому, что должно было произойти. Он боялся увидеть взгляд в глазах своей матери Чэн Ин.

Это не было бы обвинением — она никогда его не винила. Но ее разбитое сердце было бы невыносимо, больше, чем у кого-либо другого.

Глубоко вздохнув, Чжоу Лэ поднялся по лестнице и открыл дверь.

Его мать тихо сидела в своей инвалидной коляске и ждала его.

В тот момент, когда их взгляды встретились, решимость Чжоу Лэ рухнула.

«Мама», — тихо позвал он, и слезы хлынули из его глаз.

Глаза Чэн Ин покраснели, голос дрожал.

Она внимательно изучала сына.

Почему она раньше не замечала? Он был такой маленький, такой худой — как она могла не подумать, что он может быть Омегой?

Сколько он вынес за все эти годы, преодолевая бури и невзгоды?

Будучи из семьи Бет, они слышали только о полах АО, как о какой-то далекой легенде. Она всегда воспитывала Чжоу Лэ как сильного мальчика, никогда не думая о том, что он может быть хрупким Омегой.

Даже выход на улицу поздно ночью, должно быть, пугал его, но он не сказал ни слова.

Теперь же, одна только мысль об этом наполняла ее страхом.

«Больше не выходи по ночам», — сказал Чэн Ин. «Я поговорю с дядей Чжоу. С этого момента оставайся дома по ночам, сосредоточься на учебе и готовься к университету».

«Я разберусь с деньгами», — добавила она. Возможно, ей стоит лечь спать попозже или встать пораньше, чтобы приготовить больше суши.

Но Чжоу Лэ не мог согласиться. Его ночные смены составляли значительную часть его дохода. С университетом на горизонте он не мог позволить себе прекратить работу.

Он успокоил мать, пообещав, что с ним все будет в порядке, и только после долгих уговоров она неохотно согласилась.

Он был честен с дядей Чжоу о своем статусе Омеги. Зная, что дядя Чжоу больше всего заботился об ответственности, Чжоу Лэ предложил подписать отказ, освобождающий его и его магазин от любой ответственности в случае инцидентов. У него не было выбора — ему нужна была работа.

Дядя Чжоу, видя решимость Чжоу Лэ, в конце концов смягчился. Они подписали отказ, и Чжоу Лэ продолжил работать, хотя и с меньшим количеством поставок и более ранними сменами.

—

Чжоу Лэ избегал контактов с Лу Цзинжанем, даже воздерживался от отправки случайного сообщения. Он боялся совершить еще одну ошибку.

Вместо этого он узнавал новости о Лу Цзинжане через Шэнь Цяня и Чэнь Наня. Они сказали

ему, что Лу Цзинжан вернется в школу после того, как его восприимчивый период закончится на следующей неделе.

Чжоу Лэ с нетерпением ждал этого дня.

Тем временем он приготовил рулетики из морских водорослей для Шэнь Цяня и попросил его передать часть Лу Цзинжаню.

Это был единственный способ выразить свою благодарность и беспокойство.

В знак благодарности он угостил булочками Шэнь Цяня, Чэнь Наня и других.

Но Шэнь Цянь отказался отдать часть для Лу Цзинжана.

«Почему бы и нет?» — озадаченно спросил Чжоу Лэ.

Шэнь Цянь спокойно ответил: «Представь себе Альфу в восприимчивый период, получающего еду, приготовленную кем-то, кто ему нравится, пропитанную его запахом, но доставленную другим Альфой. Как ты думаешь, что произойдет?»

«...» Чжоу Лэ моргнул.

Выражение лица Шэнь Цяня оставалось спокойным, но в нем чувствовался оттенок безумия. «Ты хочешь, чтобы Лу Цзинжань сбросил меня с верхнего этажа своей виллы?»

«...»

В конце концов Чжоу Лэ отказался от своего плана доставить посылку.

В школе Чжоу Лэ продолжал ждать — так долго, что ему начало казаться, будто он не видел Лу Цзинжана полгода. Это был первый раз, когда он по-настоящему ощутил, как дни могут тянуться бесконечно.

К счастью, он нашел утешение в одном: после того, как все узнали, что он Омега, их реакция не была столь экстремальной, как он опасался. Никто не подвергал его остракизму и не вел себя отстраненно. На самом деле, даже больше людей стали просить его помочь с поручениями, и его группа доставки на неполный рабочий день набрала приток новых участников.

Сначала Чжоу Лэ думал, что его жизнь будет разрушена, как только люди узнают, что он Омега. Но к его удивлению, это открытие на самом деле открыло новые возможности. Многие

люди даже стали ближе к нему из-за его статуса Омеги. Некоторые застенчивые мальчики и девочки Омеги, которым было неудобно выполнять некоторые задачи самостоятельно, специально приходили к нему за помощью.

Поскольку он был Омегой — причем мальчиком Омегой — он не был властным, а его феромоны были настолько слабыми, что их было почти невозможно уловить. Не было никого, кто лучше подходил бы для таких задач.

Чжоу Лэ не только избежал потерь, но и заработал еще больше и построил лучшие связи. Люди в школе не обижались на него за то, что он скрывал свой статус Омеги; вместо этого они проявили к нему больше заботы и сострадания.

Каждый раз, когда одноклассники тепло приветствовали его, Чжоу Лэ чувствовал, как его сердце смягчается.

Конечно, были и такие, кто любил его поддразнивать.

В пятницу утром, закончив дежурство, Чжоу Лэ находился в конце класса и убирал швабры.

Это было как раз перед утренним периодом самостоятельной подготовки, и класс гудел от оживленной болтовни. В конце класса группа мальчиков, не желавших успокаиваться, заметила Чжоу Лэ, усердно занимающегося уборкой, и решила из любопытства повозиться с ним.

«Чжоу Лэ, так ты и вправду Омега? Неудивительно, что я думал, что ты в последнее время выглядишь красивее. Ты, должно быть, выпускал феромоны, чтобы соблазнить меня!»

«Эй, Чжоу Лэ, твое личико такое нежное, да?» — поддразнил его один из мальчиков.

Конечно, это не было серьезным преследованием — просто хулиганство, которым занимаются мальчишки. Когда Чжоу Лэ был еще Бетой, они так баловались, и никто не думал об этом. Даже сейчас они все еще не полностью привыкли видеть в нем Омегу, особенно потому, что его феромоны были такими слабыми.

«Эй, Чжоу Лэ, не уворачивайся! Дай мне коснуться, дай мне коснуться!»

Кучка «озорных» рук исследовала тело Чжоу Лэ вверх и вниз, прижимая его к стене и не отпуская.

Они еще больше увлеклись, и трое или пятеро из них принялись неустанно щекотать Чжоу Лэ.

Чжоу Лэ загнали в угол на последнем ряду сидений у стены возле двери, он уворачивался как

мог, но не мог их оттолкнуть. Его слабые мольбы о пощаде остались неслышанными.

Мальчишки вели себя как настоящие тираны, издевающиеся над невинным мирным жителем.

Внезапно задняя дверь класса со скрипом отворилась, и в комнату ворвался ледяной ветер, принеся с собой пробирающий до костей холод.

Группа замерла на месте, их движения замерли. Даже их тела содрогнулись.

«Кто, черт возьми, открыл заднюю дверь...»

Оставшуюся часть предложения они проглотили обратно.

Так называемые хулиганы повернули головы и увидели Лу Цзинжана, стоящего у задней двери, с одной лямкой рюкзака, перекинутой через плечо. Его взгляд был спокойным, но пронзительным, когда он скользнул по ним.

Холод пробрал их до глубины души.

<http://bllate.org/book/14560/1289933>